

УДК 882 (09)

В.Т.ЗАХАРОВА, докт. филол. наук, проф., зав. каф. русск. лит. НГПУ им. К.Минина, e-mail: victoriatz@rambler.ru

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ОБРАЗА РЕКИ В РУССКОЙ ПРОЗЕ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕМУАРНО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ)

V.T.Zakharova

THE ONTOLOGICAL OF THE RIVER IN THE RUSSIAN PROSE OF THE XX CENTURY (BY THE MATERIALS OF THE MEMOIRS AND THE AUTOBIOGRAPHICAL PUBLICISTIC)

Статья посвящена исследованию одного из важнейших онтологических топосов в русской литературе – топосу реки. Делается вывод о том, что художественное восприятие реки как мифологема общенациональной и личной судьбы у писателей XX века, – даже в очерковой прозе, носящей откровенно биографический характер, – поднимало повествование на уровень бытийных обобщений, было глубоко соотнесено с древнейшими представлениями о сакральной взаимосвязи человека и мира. Объектом исследования послужили очерки М.А.Осоргина, С.Н.Булгакова, Вс.Н.Иванова.

Ключевые слова: культурный топос, мифологема, онтологическая поэтика.

The article is about the one of the important the ontological toposes in the Russian literature - of the topos of the river. The author makes a conclusion that the artistic comprehension of the the river as myphologema of the national and personal destiny of the writers of the XX century. Even the essays of the autobiographical character raised the narration on the level of the ontological generalizations and was correlated with the ancient ideas about the sacred relations of the man and the world. The objects of the research are the texts of M.Osorgin, p.S.Bulgacov, Vs.Ivanov.

Key words: the cultural topos, myphologema, the ontological poetica.

С самых древних времен в русском национальном художественном мышлении осознавалась взаимосвязь родной природы и человеческого бытия. В славянской мифологии все в природе воспринималось поэтически-одухотворенно, ибо в ней человек находил «живое существо, всегда готовое отозваться и на скорбь, и на веселье» [1, с. 7]. Вода и водные топосы – *река, озеро, море* – всегда были объектом мифопоэтического толкования, у всех народов сохранилось множество легенд о происхождении и исторической соотнесенности их с жизнью человека. Позднее, в древнерусском искусстве христианской эпохи, глубоко отразились представления о *сакральном* характере русской природы. Этот важнейший аспект древнерусского художественного сознания обстоятельно исследован В.Н.Топоровым. [16, с. 9].

Русская литература последующих эпох во многом наследовала подобным воззрениям, отражая восприятие природы художниками слова далеко не как пейзажного фона к событийной канве. Это объясняется такой существенной чертой жизнедеятельности искусства, как «эволюционная топика», по словам одного из виднейших ученых XX века академика А.М.Панченко, убежденного что существует «нравственно-художественная топика, общая для Древней Руси и для России нового и новейшего времени» [14, с. 262].

Творчество многих видных писателей XX столетия подтверждает подобные представления. На примере художественных произведений И.С.Шмелева, Б.К.Зайцева, талантливого ученика И.А.Бунина – Л.Ф.Зурова нам уже доводилось анализировать

проблему осмысления ими реки как сакрального топоса [5]. Каждый из них, создавая в эмиграции свой индивидуально-авторский миф о России ушедшей, в свой художественный космос непременно вписывал образ реки своего детства.

Так, Москва-река для И.С.Шмелева – органическая часть сакрального эпицентра русской государственности – Московского Кремля, это начало пути знаменитого русского «Богомолья» – в Троице-Сергиеву Лавру. Онтологичность образа Оки, многомерно отразившаяся в произведениях Зайцева, метафорически выражена в оценке эмигрантского писателя и философа Ф.Степуна: «Ока впадает у него не в Волгу, а в вечность» [15, с.125]. В повестях и романах Л.Ф.Зурова река Великая, играющая заметную роль в концепции каждого произведения и часто называемая по имени, вместе с тем, имеет и обобщающее имя – «воды», соотнося представления читателя с библейским контекстом, – ибо произведения Зурова актуализируют представления о сакральности «вод многих», которые есть неотъемлемая часть сотворенного Господом мира.

Творчество вышеназванных авторов отражает такое художественное сознание, которое в конце XX века было обозначено в литературоведении как «духовный реализм» [6]. Однако спектр философско-эстетического осмысления интересующей нас проблемы был всегда достаточно широк и в концептуальном плане, и в аспекте жанровой парадигмы.

В данной статье обратимся к жанру мемуарно-биографической литературы XX столетия, – произведениям, в которых отразилось типологически-сходное художественное мировосприятие и в которых образ реки приобретает онтологический статус. Речь пойдет об очерках С.Н.Булгакова «Моя родина», М.А.Осоргина «Реки», Вс.Н.Иванова «Мать Волга».

Следует отметить, что в освещении интересующей нас проблемы в этом жанре приоритет принадлежит В.В.Розанову как автору очерка «Русский Нил» (1907). Он стал ярким примером выражения *представлений о русском бытии в целом через образ великой русской реки* с оглядкой на необозримые дали исторического прошлого и с попыткой философского проецирования его будущего. Поскольку нам уже доводилось писать о нем в данном ракурсе [6], здесь обозначим лишь следующее. «Мир Волги» во многом для Розанова был *идиллическим топосом*. Рассуждая об особенностях идиллии, М.Бахтин указывал: «Единство жизни поколений (вообще жизни людей) в идиллии в большинстве случаев существенно определяется е д и н с т в о м м е с т а, вековой прикрепленностью жизни поколений к одному месту, от которого эта жизнь во всех ее событиях не отделена»[8] (разрядка автора). С этой особенностью неразрывно связана, по Бахтину, и другая – «сочетание человеческой жизни с жизнью природы, единство их ритма, общий язык для явлений природы и событий человеческой жизни» [3, с.74]. Такая модель идеального жизнеустройства называлась когда-то «русский миръ» и имела своих певцов в национальном искусстве.

Есть в прозе русского зарубежья и другого рода примеры, в которых топос реки приобретает качества *мифологемы личной судьбы*. Здесь на первый план должен быть поставлен автобиографический роман известного писателя и публициста М.А.Осоргина «Времена», опубликованный после его смерти в 1955г. Выросший на берегах Камы, Осоргин воспринимал природу как единый живой макромир, частью которого он с детства ощущал себя: «Я был и остался сыном матери-реки и отца-леса», – признавался он, или говорил о реке так: «И я, уже старый, все пребываю в материнском лоне, упрямый язычник» [12, с.502]. Однако анализ этого произведения не входит в задачу данной работы [1].

Здесь обратимся к очерку М.А.Осоргина «Реки», опубликованному в эмигрантской прессе в 1936г. «Реки». Он явился как бы предисловием к позднему автобиографическому повествованию. Несмотря на лаконичность, очерк отличается философской широтой взгляда писателя.

Стоя на берегу маленькой реки в небольшом европейском городке, писатель размышляет о личностно-дорогих для него с детства представлениях и выводит их на уровень бытийных представлений: «Река должна быть в любой биографии; без нее серо детство и неблагословенна молодость; старость без нее наступает раньше, и еще раньше мысль делается сухой и несвободной. В преддверии любой веры должен быть свой Иордан. Море приносит человеку больше соленых слез, чем счастья, – светлые гении рождаются при слиянии рек в широком и спокойном водном просторе» [13, с.31].

Очевидно, что для Осоргина река означает некие глубинные духовные связи между человеком и его родным пространством. Персонифицированное в образе родной реки, оно воспринимается в текстах Осоргина в качестве топоса, формирующего судьбу человека. Писатель глубоко постиг присущую своему народу убежденность с тесной связи родной природы и особенностей национального самосознания: «Только большая река дает понятие о настоящей свободе и просторе, какого никогда не даст море, отрывающее от живой жизни и земли» [13, с. 34] (здесь и далее в цитатах курсив мой. – В.З.)

Подобные представления во многом сродни тем, что высказывал в свое время известный эмигрантский философ И.А.Ильин [8], наш современник академик Д.С.Лихачев. Так, Лихачев, в частности, писал: «Для русских природа всегда была свободой, волей, привольем <...> Воля – это большие пространства, по которым можно идти и идти, брести, плыть по течению больших рек и на большие расстояния, дышать вольным воздухом, воздухом открытых мест, широко вдыхать грудью ветер, чувствовать над головой небо...» [10, с.472] Для Лихачева была очевидна неслучайность восприятия своеобразия русской природы нашими предками в глубокой соотнесенности ее с национальными нравственными представлениями: «Издавна русская культура считала волю и простор величайшим эстетическим и этическим благом для человека» [10, с.475].

Верно сказано современным исследователем, что «очевидный факт трансляции через века и тысячелетия знаний, сохраняющих свою онтологическую суть в разные эпохи, однако остается по-прежнему некоей тайной искусства слова» [9, с.117].

В более частных масштабах река как мифологема личной судьбы осмысливается в мемуарных очерках С.Н.Булгакова «Моя родина», Вс.Н.Иванова «Мать Волга».

Очерк известного русского религиозного философа С.Н.Булгакова «Моя родина», имеющий посвящение жене, носит проникновенно-интимный, биографически-семейный характер. Мотив «утраченного рая», связанный с потерей родины, звучит у него, конечно же, в контексте религиозно-философском, – ведь детям этой семьи, семьи священника, было привычным «софийное чувство жизни и мира» [4, с.370]. «Родина, – считал о.Сергий Булгаков, – священная тайна каждого человека, так же, как и его рождение. Теми же таинственными и неисследимыми связями, которыми соединяется он чрез лоно матери со своими предками и прикрепляется ко всему человеческому древу, он связан чрез родину и с матерью-землей и со всем Божиим творением. Человек существует в человечестве и в природе. И образ его существования дается в рождении и родине» [4, с.364].

Этот «образ существования» для С.Н.Булгакова был связан с небольшим городком Орловской губернии: «Моя родина, носящая для меня священное имя *Ливны*... – кажется, я умер бы от изнеможения блаженства, если бы сейчас увидел его – в нагорье реки Сосны, – не блещет никакими красотоми... Но все это так *тихо, просто, скромно, незаметно и – в неподвижности своей – прекрасно*» [4, с.364] (курсив автора). Эта «неподвижность прекрасного» в русской природе и – русской жизни прошлого – завораживала, как можно было убедиться не только С.Н.Булгакова. Во многом это одно из тех самых *loci communes*, о которых писал А.М.Панченко. К примеру, говоря о царствовании Алексея Михайловича, оставшегося в исторической памяти «тишайшим», ученый видит истоки такого культурного

мифа «в старинной формуле «тишина и покой», которая символизировала благоустроенное и благоденствующее государство» [14, с.244].

Как видим, у С.Н.Булгакова свои акценты в восприятии своей родины, своей родной реки, малой речки, благодаря, которой рождалось представление о *долженствующем* быть всегда *традиционном* укладе жизни: тихим и прекрасным. И еще один главный для Булгакова акцент поставлен в этом очерке: неразрывная связь человеческого бытия с православными устоями жизни, с жизнью церкви, *сакральными началами бытия*. Так, образ реки Сосны входит у философа органической частью в представление о *родине*, состоявшее из неразрывного целого, состоявшего из *дома и храма над рекой*, в котором служили его предки и служил его отец: «Но родина моей родины, ее святыня была Сергиевска церковь... Она была прекрасна, как и эта природа, *тихою и смиренною красотой*» [4, с.367]. И далее: «... храм стоял над рекой, на высоте, и окружен был, пустым и убогим, цветником. *Он тоже дышал и жил одной жизнью с природой*. Во время великого поста, с его печальными, строгими звонами дивно соединялась музыка бегущих весенних ручьев, шорохи и шумы ледохода, ширь весны» [4, с.368].

Индивидуально-авторская мифологизация прекрасного прошлого у Булгакова включает в себя и характерные для мира «детского христианского «пантеизма» [4, с.370] составляющие: «...детские радостные грезы были осенены небесной музыкой церковного звона. Наши Ливны были для меня Китежем. О нашей Сосне...были китежские легенды, которые пели в моей душе, и она пела о них. Одна была о колоколе, который будто бы сорвался во время подвешивания и скатился с горы в реку, но иногда гудит под водой. Я воспевал это в детских неумелых виршах» [4, с.366-367].

Но самое главное для него заключалось в проникновенном признании: «И уже свежее лунные вечера над рекой возле храма... Да, здесь я принял в сердце откровение Софии, здесь в мое сердце была вложена жемчужина, которую искал я в течение всей своей слепой и смутной жизни, искал умом и сердцем, больше умом, чем сердцем, а когда обрел, то узнал, как сокровище, *данное мне как дар Божий в духовном моем рождении*» [4, с.368] (курсив автора).

Важна при этом и нерасторжимая связь этического и эстетического в восприятии родины, тонко выраженная С.Н.Булгаковым и тоже связывающая его представления с представлениями о *связи добра и красоты, присущих русской ментальности*: «То, что я любил и чтил больше всего в жизни своей – некричащую, благородную скромность и правду; высшую красоту и благородство целомудрия, - все это мне было дано в восприятии родины» [4, с.364-365].

Вс.Н.Иванов(1888-1971) - поэт, прозаик, мемуарист, публицист русского зарубежья, принадлежавший к его «харбинской ветви» (в 1931г. принял советское гражданство, с 1941г. работал на радиостанции «Голос Советского Союза» в Шанхае, в 1945г. вернулся в СССР). Очерк «Мать Волга» вошел в ставшую широко известной в эмиграции книгу очерков «Огни в тумане» (1932), посвященной событиям революции и гражданской войны: она имела подзаголовок «Думы о русском опыте».

В небольшом очерке, о котором идет речь, звучит напряженная, как натянутая струна, интонация непреходящей ностальгии. Это касается воспоминаний автора о костромском отрочестве, юности. Из всего очеркового массива книги, характеризующегося размышлениями социально-политического плана, он выделяется возвышенностью тона, явным стремлением опозитизировать прошлое сквозь мареву времени.

Вот гимназист-подросток шагает на экзамен по латыни: « И сколько бы верст я ни шагал, рядом со мной простиралась маслянистая, голубая, чуть играющая утренним жемчугом Волга. Ноги скрипели по сырому песку, а рядом шла и шла она, Волга...» [7,с. 18]. Очевидно мифологизированное восприятие автором прошлого, ставшего «утраченным

раем», символом которого и стала Волга и родной город на ее берегу: « Волга!.. За Волгой зеленые луга, над ними ... идет негорячее еще солнце. А прямо, над желтой излучиной берега, - город, легкий город, сказочный почти – Кострома именем, словно поднявшийся от воды и дрожащий от первых горячих струй слоистого воздуха...Марево...» [7,с. 299].

Примечательно, что гимназист-подросток, – как это встречается в художественных жизнеописаниях И.А.Бунина «Жизнь Арсеньева» или Б.К.Зайцева «Путешествие Глеба», – через свое гимназическое *дело* причастность к жизни своей огромной страны, и укрепляет его в этом его родина, город, его Волга: «И, шагая в легкой чесучовой рубашке, кодтянутый ремешком с серебряной пряжкой и буквами: К.К.Г., я скандировал ...стихи Горация...В ритме шага, *в непосредственном ощущении катилась легко и свободно, как Волга, вся на поверхности, жизнь огромной страны*, где я, гимназист 8-го класса, шел сдавать росным утром свой экзамен на аттестат зрелости. То было моей: - общественной функцией. Так, что ли?» [7, с.300].

А затем автор идет еще дальше: описывая «русский миръ» своего прошлого, он образно указывает на его сакральный характер, и делает это через те же пространственные образы: «...с горы лукой уходила предо мной под розовым ночным светом севера Волга, да чуть-чуть мерцали кресты и купола Ипатьевского монастыря <...> И вставал под блеском молнии вместо пунктира золотых далеких огней призрачный легкий город, *похожий на те, что пишут на иконах за спинами святых*, - город Кострома» [7, с.301].

Заметно, что художественное восприятие реки как *мифологемы личной судьбы* у писателей русской эмиграции, – даже в очерковой прозе, носящей откровенно биографический характер, – было глубоко «пропитано» онтологичностью, представлением о сакральной взаимосвязи человека и мира.

Завершая это небольшое исследование, заметим следующее. Сфера природного в соотнесенности с людским бытием с древнейших времен была необходима для этической оценки изображаемого, авторского стремления именно этой сфере передоверить выражение наиболее важных сущностных идей. Образная сфера творчества многих русских писателей XX века обладает поразительным эффектом онтологической значимости, включенности в раздумья высшего порядка, сакрального, и одним из самых смыслоемких пространственных топосов в их текстах стал топос русской реки. Приоритет философско-эстетической значимости в этом плане, конечно, принадлежит, большим художественным полотнам, о которых упоминалось выше. Но и талантливая очерковая проза русских писателей, философов, публицистов, несомненно, должна быть учтена в подобном типологическом ряду.

ЛИТЕРАТУРА

1. См. об этом: Анисимова, М.С. Мифологема «дом» и ее художественное воплощение в автобиографической прозе русского Зарубежья: Монография / М.С.Анисимова, В.Т.Захарова – Н.Новгород: НГПУ,2004.
2. Афанасьев, А.Н. Древо жизни / А.Н.Афанасьев. – М.: Современник, 1982.
3. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике //Вопросы литературы и эстетики. Бахтин М.М. – М.: художественная литература. 1975.
4. Булгаков, С.Н. Моя родина // Русская идея. – М.:Республика, 1992.
5. См. об этом: Захарова, В.Т. Река как онтологический топос в прозе Б.К.Зайцева // Наследие Б.К.Зайцева: проблематика, поэтика, творческие связи. – Орел: ПФ «Картуш», 2006. - С.7-11.; Громова, А.В., Захарова, В.Т. Жизнь и творчество Л.Ф.Зурова: Монография. – М.:МГПУ, 2012.

6. См. об этом: Захарова, В.Т., «Мир Волги» в путевых очерках В.В.Розанова «Русский Нил» // Жизнь провинции как феномен духовности Н.Новгород: «Вектор – ТиС», 2006. - С.96-100.
7. Иванов, Вс.Н. Мать Волга // Вс. Н.Иванов. Огни в тумане. Рерих – художник мыслитель. – М.:Советский писатель, 1991. - С.298-308.
8. См. об этом: Ильин, И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. – М.: Русская книга – XXI век, 2007.
9. Кузьмина, С. Русская литературная традиция и онтологическая поэтика в системе реализма и модернизма //Problemy wspolczesnej komparatystyki. Т.2. – Poznan: UAM, 2004.- С. 107-119.
10. Лихачев, Д.С. Заметки о русском // Лихачев Д.С. Избранное: Великое наследие; Заметки о русском. – СПб: «Logos», 1998.
11. См. об этом: Любомудров, А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К.Зайцев, И.С.Шмелев. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003.
12. Осоргин, М.А. Времена // Осоргин М.А : Времена: Романы и автобиографическое повествование. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд.-во, 1992.
13. Осоргин, М.А. Реки // Осоргин М.А. Воспоминания. Повесть о сестре. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1992.
14. Панченко, А.М. Топика и культурная дистанция // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. – М.,.1986. – С. 236-249.
15. Степун, Ф. Встречи. – Нью-Йорк, 1968.
16. Топоров, В.Н. Вступительная статья // Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. – М.: Гнозиз; Школа. Первый век христианства на Руси,1995.- С.3-19

© Захарова В.Т., 2013